

НОВАЯ
серия

алексей
цветков

« ровный ветер »

НОВОЕ
издательство

Алексей Цветков

Ровный ветер (сборник)

«Новое издательство»

2007

Цветков А. В.

Ровный ветер (сборник) / А. В. Цветков — «Новое издательство»,
2007

Вашему вниманию предлагается сборник стихов Алексея Цветкова «Ровный ветер», в котором собраны стихи 2007 года.

© Цветков А. В., 2007

© Новое издательство, 2007

Содержание

«я последняя лампа у тебя на столе...»	5
«скоро кровь не протиснется к дверце...»	6
«из шести колков едва на одном...»	7
ПАЗОЛИНИ	8
СТАНСЫ	9
ТРАВИАТА	10
ЛЕВ И СОБАЧКА	11
I	11
II	12
III	13
«стал он звать золотую рыбку...»	14
ПТИЦЫ	15
1	15
2	16
«безмолвие кругом на километры...»	17
«и еще напоследок пока не украли луну...»	18
ТКАЧИХА	19
КАСАТКА	20
«хлеб в лужи чтобы отраженья птиц...»	21
«быть пять минут или не быть вообще...»	22
ГРУШИ В МЕСОПОТАМИИ	23
МЕТАМОРФОЗЫ	24
«перед тем как с темной горы спускаться...»	25
«загрустив от нагрянувшей вечности...»	26
«на полпути в степях кибенистана...»	27
«чтобы в живых не скучать организму...»	28
«на уроке терпения в пятом классе...»	29
ОН	30
«или тот кому сперва писала...»	31
«поскольку спит всего один из нас...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Петрович Цветков

Ровный ветер

«я последняя лампа у тебя на столе...»

я последняя лампа у тебя на столе
где горю и горюю светили но дальше не с кем
или все-таки я подобен седой сове
толстой тьмы ломоть рассекая крылом нерезким
электромотор или робот или там кто
в залпе зрения среди вязких атомов мрака
вообразить трехмерность если темно
метра два от силы в сланце убого мало
когда бы не трещина в веке куда проник
газ сознания световой родник

я весь блеск при котором пишешь а потом
тишина уменьшается до размера
кванта стерлингов монета в один фотон
незаметна совиному глазу и неразменна
на перевоз если не переплатишь врачу
сам внутри собеседник но он непечатен
отчего я перед тобой на столе молчу
но пока не трогай мой выключатель
это тени аверна раскосы до потолка
дай посвечу пока

обесточив мозг крыло не вырулит прямо
если слов сонару не уловить
только суть в сетчатке только нить
только спираль вольфрама

«скоро кровь не протиснется к дверце...»

скоро кровь не протиснется к дверце
где бы в оба привратник глядел
потому что в титановом сердце
прежней глины желтеет надел

к неизбежному душу охотя
в балахоне лицо пеленой
дескать здравствуйте я ваша тетя
при часах и косе именной

нам такая спасибо не снилась
вот бы выпасть из списка тайком
погоди где была сделай милость
ненаглядная тетя с клинком

если смерть не короче недели
говорят привыкаешь легко
только б дети туда не глядели
объяснить что снимают кино

что муляж эта глина и пена
и актер кто над берегом гол
где холодная кровь постепенно
теребит металлический мол

«ИЗ ШЕСТИ КОЛКОВ ЕДВА НА ОДНОМ...»

из шести колков едва на одном
голый город дрожит отраженьем в луже
редко прежний голос из уст огнем
но гортань перетягивает все туже
не забыть из отверстий который рот
только выпи вслух только шельмы-злюки
далеко ли еще до берега вброд
исторгая звуки

было связки слагаются в нужный крик
но в фальцет срываются на повторном
это значит что ли что долг велик
или моцарт загробный велит валторнам
перестать словно паузой ветер горд
рыбий шум в камыше если тень укора
но который город который год
разве нет другого

не до прежних мозгу теперь проказ
с архитрава глумится безглазый демон
приумолк в чьих перстах инструмент погас
просто настезь рот если знаешь где он
ложь любовь раз ежикам тяжела
мент с фонариком верящий каждой ксиве
долго думал голос но тишина
остается в силе

ПАЗОЛИНИ

ты вспомни как соседу позвонили
уже и с пляжа топала толпа
что ночью был зарезан пазолини
мы зимовали в остии тогда
увы нам в этом не было урока
бидон фраскати лучший люминал
бездельникам и спали до упора
а он буквально рядом умирал
народ наутро сплетничал у почты
без стукачей для навлечения порчи
день как волна то шел вперед то вспять
за песней пиний солнечной и вязкой
жизнь предстояла терпеливой сказкой
не торопясь однако наступать

все бывшее теперь в оплывшем воске
или как павлу в пелене стекла
на поезд до piramide а после
был снова рим он возникал всегда
смерть невозможна на чужом примере
где труп времен едва прикрыт травой
и марк аврелий конный на пленере
стоял еще не взятый под конвой
в последней юности нагой и нищей
как прыгают за подоспевшей пищей
с ноябрьских молов юркие нырки
там было сладко созерцать ликуя
две дюжины столетий с яникула
с марсалай предварительной внутри

так жили мы когда лежало тело
стремясь ничком в объятия луны
потом они опять открыли дело
вообразив что дело не в любви
история перебирает ветошь
напялив проволочные очки
но жизнь прошла и вот уже не веришь
ни в эту смерть ни в эту жизнь почти
прошла и ничему не научила
но остается точная причина
существовать и лишь она не ложь
а жертвоприношение на рассвете
l'amor che move il sole e l'altre stelle
и нержавеющий на пляже нож

СТАНСЫ

оскал цицерона на блюде
с кинжалом на цезаря брут
кругом интересные люди
но все постепенно умрут

а впрочем и то оговорка
покойники все как один
рожденный как божья коровка
недолго живет невредим

в итоге все явное тайно
утраты куда ни взгляну
мисима вонзающий танто
и шелли идущий ко дну

вот женщины ярче колибри
с пленительной тайной внутри
но все до единой погибли
склодовская скажем кюри

и вера холодная даже
ее здесь практически нет
чуть скажешь приятное даме
а та моментально скелет

так быстро мелькают на свете
колибри и даже орлы
что скоро на целой планете
рисуем остаться одни

пусть звездочка звездочку любит
что где-то в плеядах мила
а цезаря больше не будет
и даже возможно меня

ТРАВИАТА

с вильясоном на сцене нетребко
обжимается с виду некрепко
но доступно для зрительских чувств
световой из-под купола конус
и ложится на музыку голос
к вящей пользе обоих искусств

молодцы вы роландо и анна
браво форте и браво пиано
и дуэтом и врозь ничего
симпатичная в сущности пара
легкомыслие репертуара
вот что мне омрачает чело

не вставляет мне музыка верди
не о жизни она не о смерти
слишком бойко и больно легко
блеют медные сноповязалки
воспевая судьбу куртизанки
золотое сердечко ее

трень да брень это ж тьфу оперетта
лучше б шкипер за цену билета
вам электру пропеть приказал
не беда что она по-немецки
вот где страсти бурлят не по-детски
и кровища аж плещется в зал

или спела бы ты саломею
от которой я просто немею
леденеют на рампе огни
голова там с отрезанным низом
а как пляски пойдут со стриптизом
тут ваш верди вообще отдохни

эти оперы да трудноваты
проще ставить одни травиаты
с троваторе но лучше б кольца
все четыре за раз сериала
чтобы музыка нам просияла
и спасибо не будет конца

ЛЕВ И СОБАЧКА

I

«все жерлу обречено...»

все жерлу обречено
только пень в лесу не знает
не бывает ничего
или быстро исчезает

наступает день сурка
ум на пошлости не жаден
наша общая судьба
как описывал державин

время скучный кабинет
для такой короткой встречи
где не только света нет
но и тьма фигура речи

сон обещанный себе
укрощать в пещере тени
выключатель на стене
жалко пробки полетели

II

«производная функции хуже чем дважды два...»

производная функции хуже чем дважды два
а живая собака лучше мертвого льва
но не блещет даже в сонме окрестных сук
в судный час божеству ни апорт ни стойку
вот за это свыше нам посыпают суп
то селитрой то бертолетовой солью

на безлюдном пиру миров где на блюде лев
водружен коль выбыл из списка львов околев
в этой шкуре точка на графике каждый труп
лишь от прежних живых на бегу приветик
невозможной алгебре и теории групп
предпочтителей простых арифметик

намалеван под куполом ангел и знай трубит
дискотека для тех кто от насморка или убит
всю параболу отмотали насмерть
но не грянет ни львиный рык ни собачий визг
у предела дельта игрек на дельта икс
жизнь шипит и гаснет

III

«там где возлягут щука лебедь рак...»

там где возлягут щука лебедь рак
атос портос и золотая рыбка
я тоже рад что никому не враг
и не таскал себе котлеты с рынка

пускай другие с ребрышком во рту
не буйвол им не волк и не лиса я
мы раньше всех закончили войну
и возлегли как прорицал исайя

простимся здесь со спесью и стыдом
сейчас сыграет лунная соната
все возвращаются в свой вечный дом
где безразлично лев или собака

«стал он звать золотую рыбку...»

стал он звать золотую рыбку
голосом молвит человеческим
хочет в бабы секретаршу ритку
и за декабрь ипотеку тоже нечем
приплыла к нему рыбка спросила
записала в блокнот и все забыла
ни чтоб здрасьте ему ни он спасибо
чайка подписью под досье залива
что еще скажешь синему морю
плесни в стакан чем помочь горю

эти рыбки и вся морская закуска
сочинение без совести и чести
жизнь как мессинский пролив где узко
там и нет прохода утони на месте
что ни утро ни дома нигде ни ритки
пушкин на ветвях кот ученый в мыле
так и тянет к прибору типа бритвы
кота наголо и себе опочить в мире
прах любое богатство грош вся гордость
детство кончится и ничего не будет
в синем море лишь человеческий голос
без человека кричит оторванный бурей
умирает чайка голову в перья прячет
голос чуть помолчит и опять плачет

ПТИЦЫ

1

«струится город на ветру...»

струится город на ветру
песок в подол астрее
сезон по птицам наверху
нам тосковать острее

они сквозь облако толпой
где солнце и стожары
а мы с тобой а мы с тобой
всегда внизу стояли

одним в зенит зато другим
за слизнями в крапиве
зачем так сильно их любил
придумавший такими

порядок слов паренье птах
где тонко там и двойка
как ветрено на двух крылах
и погибать не горько

кому весь космос невысок
не удержать руками
а здесь посеяли песок
и пожинаем камни

стрижам и ласточкам смешны
как детям взлет котенка
всей тяжелой совести мешки
всего ума котомка

2

«багровый в небе колорит...»

багровый в небе колорит
от пепла или пыли
там птица птице говорит
ты помнишь люди были

они сначала малыши
потом часы сверяли
и часто были хороши
когда не в нас стреляли

внизу слепили города
работы и квартиры
совсем живые иногда
как рыбы или тигры

пускай не эти и не те
но ползали похоже
зачем их больше нет нигде
и нас не будет тоже

«безмолвие кругом на километры...»

безмолвие кругом на километры
тьма поднимается за милей миля
я не увижу знаменитой федры
и с полки не возьму войны и мира

не стану праздно предаваться блуду
с утра в ларек не отнесу посуду
связали в сноп и дальше жить не буду
такая тишина теперь повсюду

так жаждал пить но пересохло в луже
дерзал дышать но по-другому вышло
теперь сбылось и так темно снаружи
терпения что ничего не слышно

здесь каждый жест одаривая встречно
сирот и вдов не обносил я водкой
вот только почему похмелье вечно
а выпивка была такой короткой

на выселках статистики семейной
заботой звезд отглажена пижамка
где собирают вещество вселенной
для новых нужд и вот уже не жалко

пусть это будут солнечные пятна
в речной воде и цвет июньской липы
хоть что-нибудь получится и ладно
из темной копоты из долгой глины

«и еще напоследок пока не украли луну...»

и еще напоследок пока не украли луну
а короткое солнышко льдом не затянуто в луже
кто из древних соврал что положено жить по уму
нематоды никто а у них получилось не хуже

этим бабкам за прялкой сподручнее резать чем вить
вот микроб в окуляре кто парень пойми кто девица
оставаться микробом тогда или вовсе не быть
умирать насовсем или только на части делиться

к заповедным микроб добегу рубежам бытия
где права человека на равных слону и полевке
и которых там встретишь представься что ты это я
без бутылки не больно они разберутся в подлоге

хорошо рассуждать если в кепке нашлась голова
с молотилкой в пазу куда мигом жан-поль сигарету
а попроще чем мы у которых ума малова —
то и дело живут и юдоль не злословили эту

если думать всерьез то не дольше чем лет до семи
как в пеленки пи-пи и другие поступки в кровати
потому что и глупые ровня раз все спасены
а не все так назад и делиться на части давайте

ТКАЧИХА

я говорит навек жена того улисса
который пропал а не который вернулся
двадцать лет отстояла на полоске пирса
двадцать лет ткала саван до пробелов пульса
тот которого к дверям привела афина
найденыйш а не потеря не по нем плачу
пусть кормилицу провел поймал в капкан сына
я всю драхму платила не обол на сдачу
шрам кабаний похож так печаль всем известна
никому не вдова твоя невеста море
двадцать лет как щеколда щелк а все ни с места
лучше буду еще двадцать горевать горе
снова саван растяну в тени у платана
ой улисс мой ненаглядный ой дана-дана

а который пропал он тоже не вся правда
то есть правда но спит на солнцепеке самом
жарко и видит во сне родная ограда
дом и под платаном сидит жена ткет саван
как отбыл так с тех пор не миновало лето
гудят шмели вспыхивает на солнце спица
только невдомек видит ли во сне все это
или вечной ткачихе сам отсюда снится
такой расклад по сердцу за шаг до калитки
прекратило течь время дремли и не кашляй
нимфа ли калипсо девки ли феакийки
проснешься жизнь обнажена и должен каждой
стайка в тонких хитонах лиры у фонтана
ой ты редкий гость заморский ой дана-дана

в этом сне своем чужом ли видит внезапно
подвиги старца с луком в нищенском прикиде
жена замужем уж не наступит ни завтра
ни послезавтра и спящий на сон в обиде
или та кому он сам приснился за женским
рукодельем под деревом жене ведь тоже
что привиделось насмешкой и лживым жестом
вышло явью но другие вдвоем на ложе
тряпка с лучницей-девой в чужих пятнах пота
долго плывешь морем потом топаешь полем
снишься друг другу пока существует кто-то
а саван готов наконец впору обоим
сон навсегда а явь соткана из обмана
ой люли-люли разлука ой дана-дана

КАСАТКА

амстердам объявлено на посадку
пассажиры следующие летя
прижимая плюшевого кита-касатку
чье-то в очереди наугад дитя
пилигрим с виагрой и другие люди
дама с йориком бизнес-класс ути-ути
чьи-то челюсти развело в зевке
сладко спать пока нас нет на земле

лишь один не спит все думает думу
потому что как бог полагает дуну
и не станет обыскивали но пронес
с ним багаж муляж не нужна и даром
вся внизу земля с ее амстердамом
он маневру в другие пределы рад
заслужить у тебя блаженство боже
ибо держит курс на небесный град
где халвы невозбранно и пальмы в тепле
точка точка точка тире тире тире
точка точка точка но так не сигналият больше

напоследок взять провести по шторам
обреченной на рыбий корм рукой
попенять неведомому за что нам
эта доля и никакой другой
невиновно небо и туч не мучай
где за нас лишь плюшевый кит летучий
чтобы солнце бусины глаз зажгло
и собачка рядом веером лапок
бедный йорик аж бантик сбился набок
может кто-нибудь спросит ее за что

но под пальмами неисчислимы дни
где гранатовый сок попивают они
и полдюжины дюжин дают без слова
у которых поверишь сколько ни ткни
зарастает снова

«хлеб в лужи чтобы отраженья птиц...»

хлеб в лужи чтобы отраженья птиц
не погибали с голоду в безглазье
и жальче всех того кто никогда
сюда не просочился я никто
сказал в забытой сказке но соврал

я тот никто который никогда
вернее тот кому когда и есть
любое никогда кто не подпал
соблазну прилагательных и качеств
и про кого никто не скажет он

про этих птиц которых тоже нет
в том смысле что они верны в пределах
воды а берега растождествляют
они неправда если их не видно
мне нечего сказать про этих птиц

так сколько же не прожито любви
из-за того что некому и если
в зеркальный круг прорвешься Расскажи
живым как мы утомлены полетом
за край воды и хлеба нет нигде

«БЫТЬ ПЯТЬ МИНУТ ИЛИ НЕ БЫТЬ ВООООБЩЕ...»

быть пять минут или не быть вообще
таков вопрос на выбор три ответа
один пометить птичкой пеликаном
и зайчиком и ежиком любым
быть зайчиком допустим но тогда
грозит жаркое или быстро бегать
быть ежиком и больно уколоть
сто лет уколота проспала
пока случайный шоколадный зайчик
не углядел ее в гробу и спас

я жив еще но слишком часто сплю
какие сны в том частом сне приснятся
или пытаться спать гораздо реже
а сны смотреть отныне наяву
как кальдерон допустим де ла барка
любимая уколота спи

или стараться быть наполовину
задумчиво уйдя в полусебя
полунебыть как виртуальный кварк
но там поди пращи и стрелы свищут
как уцелеть под натиском баллист
когда внутри хрустальной табакерки
игриво грудь полуприкрыв кудрями
так часто спишь что некому проснуться
эй кто-нибудь целуйте наконец

ГРУШИ В МЕСОПОТАМИИ

по дороге в никудыкины земли
издать голый членораздельный звук
переходя на человеческий ассемблер
свобода от языка
дарит последний шанс оправдаться

когда адама с той еще девушкой
выставили из сада он нес мандолину
с тех пор ансамбль разросся
но голос сломан и пискливо лжет
он силится вспомнить эдемскую
дискотеку пляски молочной невинности
и рассказать как было где не было
то есть до того как было
как хороша ты тогда под грушами
или что там помнишь росло
но ворох пухлых слов мешает
только воздух был точно слаще
а галоперидол крепче

тебе одно верное зеркало рискую
сознаваться выдрами ветром камнями
водопадами и стихийными бедствиями
потому что из них оказалась вся правда
я слишком умен чтобы себя понять
хорошо что никто меня не видит

на груше добра и зла
зарастает антикварный надкус и она
торопится на родимое дерево
в саду где нас держал уже не помню
по отчеству добрый немецкий доктор
внушавший шестнадцатеричным кодом
разницу между мужским разъемом и женским
систему река устье океан

хотеть напоследок вложить всю душу
и предсказуемо испустить простое ы

МЕТАМОРФОЗЫ

нагоняет нимфу в пойме нездешний разум
вернее вражья похоть в шею дышит мощно
ни в кино ни стекляшки дарить не обязан
потому что он бессмертный бог ему можно
пискнуть поперек не посмей оглох к отказу
всю оглоблю между ног и ничего кроме
где неловкую изловил завалит сразу
обрюхатит пусть сучит копытце в утробе
подбегает нимфа к берегу плачет в голос
ой девки-русалки подводные подружки
чахнет девичья честь прахом по ветру гордость
прячьте пока не смял берите на поруки
на обидчика глаза из-под воды косо
скорей свои на резкость если не ослепли
вот становится нимфа тростником у плеса
где грудь белела и бедра полые стебли
согласно описи атом на каждый атом
вяжи зазнобу в снопы раз хотел до загса
тут философ паскаль возьми окажись рядом
бился бы об заклад да вот не оказался
взад-вперед время у свирели вкус соленый
шуршит камыш по-над речкой шумит зеленый

тихо свистит свирель не уловить ни слова
гнутся горы под железными городами
города вязнут в земле их возводят снова
сперва в достатке потом долго голодали
одни падали другие жили все реже
черный снег мертвым елям отрывает лапы
под багровым куполом а слова все те же
слишком быстро убегала лучше дала бы
чтобы умирать и обратно не рождаться
чего лучше не видеть того не дожидаться

«перед тем как с темной горы спускаться...»

перед тем как с темной горы спускаться
надо всем откликнуться отыскаться
в одиночку ноша не по плечу
чтоб не ткнулись в проволоку под током
посигналю в ночь сигаретным оком
зажигалкой газовой посвечу

долго мы ходили куда хотели
кипарисы стаями асфodelи
это прежним камешки или нам
с язычками газа все ярче в свите
ах неузнаваемые простите
если всех не вспомню по именам

здесь гора на том берегу вторая
звездный газ горит в руке не сгорая
высоко над пристанью подниму
покидая сушу огня не брошу
где написано оставляйте ношу
там вода а дальше по одному

«загрустив от нагрянувшей вечности...»

загрустив от нагрянувшей вечности
где по кельвину ноль холода
возражают другие конечности
что как рыба молчит голова

вот и лапки откинула с голоду
в полубоксе последняя вошь
вопрошают конечности голову
почему ты с утра не поешь

голова отвечает угрюмая
что ей петь совершенно нельзя
лучше молча о вечности думая
да и вы не пляшите друзья

«на полпути в степях кибенистана...»

на полпути в степях кибенистана
аж миражи вполнеба как в кино
мне чудо невозможное предстало
но выпало из головы оно

вернуть назад песчаные ухабы
мозоли от рюкзачного ремня
какое диво я вскричал тогда бы
какое блин вы спросите меня

но памятью оставлен я в покое
хоть все болты на раме подкрути
не допереть что собственно такое
предстало мне на этом полпути

с тех пор пройдя любые полдороги
в сортир и то протаптывая путь
я умственные подвожу итоги
стою как столб и жду чего-нибудь

как бы пилон электропередачи
из мозга праздную изгнав возню
стою духовно сам себя богаче
но чем не знаю и не объясню

«чтобы в живых не скучать организму...»

чтобы в живых не скучать организму
раз развивается он из земли
изобрели балалайку и клизму
спицы вязальные изобрели
для малышей и преклонных старушек
много придумали разных игрушек
выколешь спицей младенцу глаза
вставить обратно как были нельзя

а вот допустим у лилий и птичек
кроме семейных забот по весне
нету к стяжательству вредных привычек
и беззаботно порхают везде
мышка в подполье поест и приляжет
клизмы не ставит и пряжи не вяжет
весело смотрит на всех из щелей
вот и младенец у мышки целей

наши добром обгаренные норы
многим животным до колик смешны
даже в гробах бытовые приборы
орден на шее на чреслах штаны
чем бесполезно чеканить в металле
лучше бы чаще цвели и летали
чтобы от пользы подобных шагов
дети с улыбкой росли без штанов

«на уроке терпения в пятом классе...»

на уроке терпения в пятом классе
соколова сидела поближе к васе
чтобы вырасти быстро и не скучать
на линейке жемчужина всей дружины
но не ближе чем те что остались живы
скоро в загс да в печальной графе печать

этот вася почти эпический образ
у доски по алгебре вечный тормоз
постепенно в горкоме влксм
к выпускному они расписались с таней
но гражданских перечень состояний
невелик и последнее светит всем

я терпение выучил на пятерку
заграничную в срок получил путевку
ради прожитой жизни не жалко двух
но лет в двадцать раз возникает снова
пятый б любовь моя соколова
запорожье и детский невыттый дух

там размолвка вышла вернее развилка
у него была на меня дразнилка
забежал вперед а то бы узнал
мы терпели долго но перестали
и старик перевозчик пометив крестами
закрывает за нами классный журнал

ОН

он не был в этом розвелле ни разу
зеленые личины ни к чему
а прилетел неразлично глазу
неведомо вниманью ничьему
не существо а силовая область
сгуститься в нужной дате и версте
здесь приземленье лишь неловкий образ
зачем летать тому кто есть везде
условлено что запускали в паре
и приземлиться в неприметном баре
под снимком бейби рут в тени гардин
на сорок третьей но пришел один
он там сидит в притворстве полупьяном
на личность человек немолодой
но голова работает над планом
вернее план владеет головой
пока напарник сочетает кванты
чтоб незаметно у стола возник
в его мозгу хронометры и карты
которых здесь не выразит язык
а розвелл был затеян для забавы
как в парке лабиринты и завалы
бросок с оглядкой в сторону для псов
среди пустынь ненужных и лесов
конец судьбе и в дырах вся природа
когда к дверям припустит напрямик
лишь мельком в тусклом зеркале у входа
мое лицо но я уже привык

«или тот кому сперва писала...»

или тот кому сперва писала
в сумерки пленительный ходок
быстрая под липами присяга
стиснутого сердца холодок

все равно не тот с которым годы
крестиком робеет карандаш
или в зеркало с укором кто ты
что билет другому не отдашь

крестиком и есть на память вышит
защемило ниточку беда
не печалься кто-нибудь напишет
даже лучше правду чем была

потому что правда не похожа
на кривое что произошло
сорок лет не ладилась погода
а пришла расплата ни за что

суженый заморозит все ту же
к легкому подговорит греху
отовсюду выглядит не хуже
бархат в ртутных шариках вверх

молча льстить благодарить безустно
признаваться честно и всегда
тишина где исчезать не грустно
раз она роднее чем семья

здесь созвездий во весь мозг разверстка
не печалься дольше и умри
больно ли что сердце без наперстка
все иглой исколото внутри

«ПОСКОЛЬКУ СПИТ ВСЕГО ОДИН ИЗ НАС...»

поскольку спит всего один из нас
никто другой не закрывает глаз

или не он а кто-нибудь она
но это не меняет сути сна

сюжет же в том что все по одному
мы не живем а кажемся ему

не мы с тобой а он несет ответ
за каждый возникающий предмет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.